

Т. А. Сироткина
Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут

Названия народов в художественных текстах как зеркало этнической идентичности (на материале романа Алексея Иванова «Тобол»)¹

Национальная картина мира, как известно, обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности. В художественной картине мира всегда отражаются особенности национальной картины мира, в этом смысле писатель выступает как носитель определенных национально-культурных стереотипов. Создавая тексты исторической прозы, уральские писатели неизбежно обращаются к описанию быта и культуры тех народов, которые проживают на данной территории, показывают взаимодействие их с другими этносами и культурами.

На основе материала нашего исследования — текстов исторической прозы уральских писателей А. Иванова, Н. Никонова, Ф. Решетникова, Е. Туровой — можно выделить следующие компоненты этнической идентичности, нашедшие отражение в произведениях:

1. Внешний вид представителя того или иного этноса. Именно внешние отличия прежде всего бросаются в глаза и становятся объектом описания в художественном тексте: «Заходили они в кибитки, где у чувалов над котлами хлопотали черноглазые *башкирки*²: волосы у них иссиня-черные, заплетены в тонкие косы» [Турова, с. 98].

2. Общность материальной культуры, представленная в многообразии ее традиционных составляющих. Многие предметы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-412-86002 «Образы Сибири в разных типах дискурса»).

² Здесь и далее курсив в цитатах наш. — Т. С.

быта, описываемые в текстах исторических романов, имеют этническую маркировку, отражающую их принадлежность к культуре того или иного этноса: «Взор ее упал на кривой *башкирский* нож, который валялся у порога; она подобрала его и спрятала» [Там же, с. 89].

3. Общность языка. Как известно, именно языковая принадлежность служит основанием для лексикографической дефиниции этнонимов, именно язык и общность исторического прошлого являются одними их основных составляющих этнической идентичности: «Подлиповцы *говорят по-пермякски*. Плохо понимая наши слова, или хотя и выговаривают их, но в исковерканном виде. Выговор их походит на выговор крестьян Вятской и Вологодской губерний» [Решетников, с. 96].

4. Особенности вероисповедания. Являясь неотъемлемой частью духовной культуры этноса, религия позволяет отличить «своих» и «чужих», оценить поступки представителя определенного этноса через призму духовной идентичности: «А *пермские боги* похожи на пловцев, что привязывали пленников к хвостам диких кобылиц» [Иванов, 2003, с. 142]; «Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей *пермякской веры* держатся, слынут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами» [Решетников, с. 32].

5. Территориальный компонент национальной идентичности репрезентируется в художественных текстах с помощью контекстов, в которых функционируют топонимы: «Дошли до места, где впадает в *Чусовую* крупнейший ее приток — река *Сылва*. *По-вогульски* — талая вода» [Никонов, с. 15]; «А вот скала *Вогулинская гора* так и не доползла до берега, чтобы тоже стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми острями обиженной кучей» [Иванов, 2005, с. 551].

6. Исторический компонент национальной идентичности отражается в текстах художественной прозы чаще всего с помощью сочетаний с отэтнонимными прилагательными и топонимов: «Такой провал называют *чудской ямой*, говорят, не то чудь белоглазая ушла в землю, не то ихний бог Кудэ-водэж сам собой закопался» [Турова, с. 162]; «В октябре 1582 года под *Чувашским мысом* разразилась решающая битва» [Иванов, 2007, с. 194].

Таким образом, этнонимы в текстах исторических романов уральских писателей — это маркеры этнической идентичности,

разграничивающие культурное пространство на «свое» и «чужое». Рассмотрим это на примере нового романа Алексея Иванова «Тобол» (2017–2018).

В своем интервью журналу «Эксмо» в марте 2018 г. писатель говорит о том, что «большая часть нашей страны — terra incognita, пространство, известное только небольшому числу региональных историков» [Иванов, 2018]. Наверное, поэтому он всю свою жизнь пишет исторические романы, желая открыть читателю неизведанные земли и непознанные пространства. Почему в своем новом романе «Тобол» автор обратил взгляд еще дальше на север, переместившись с Урала (см. его предыдущие исторические романы) в далекую, порой неизведанную Сибирь? Ответ, как думается, лежит на поверхности. Поскольку, как отмечают исследователи, «Алексея Иванова эстетически притягивает древнее, неведомое, вышедшее из темных и страшных земных глубин» [Абашев, Абашева, с. 147], север Западной Сибири явился для него тем местом, где еще больше, чем на Урале, нераскрытых тайн и реалий старины, регионом, геополитически еще более ярким и насыщенным. И хотя, по словам А. Иванова, «определение региональной идентичности не было главной задачей этого романа», он все же ставит своей целью «показать многомерность мира через восприятие представителей разных культур» [Иванов, 2018]. И это автору блестяще удается. Удастся прежде всего посредством реализации в тексте двух основных оппозиций: «свои — чужие» и «коренное население — пришлое население». Несмотря на существенность отнесения определенных реалий к конкретной этнической культуре, важнее для автора, как представляется, показать «многомерность мира», о которой он говорит, прослеживающуюся даже в рамках определенного ограниченного пространства, в котором происходят события романа.

Через все произведение проходит идея равноправного существования на севере разных этносов. И русские, и остяки, и татары строят здесь дома, ловят рыбу, находят золото: «Но порой золото вываливается из-под плуга мирного пахаря — *татарина* или *русского слобожанина*» [Иванов, 2017–2018, кн. 1, с. 137]. Различия в их быте и культуре создают то этническое многообразие, которое складывается в сибирскую этническую мозаику: «Вокруг флотилии сновали крестьянские насады и

шитики, *татарские каюки* и легкие обласы инородцев, очертаниями схожие с луками, — судно губернатора сопровождали зеваки из окрестных деревень» [Там же, с. 83]; «*Русские солдаты* ничем не отличались от *шведов*, даже свои ружья они свалили в обозные сани, в которых везли провизию и скарб» [Там же, с. 18].

Подробно описывает А. Иванов особенности быта, культуры, традиционные занятия разных этносов: «*Тобольские бухарцы*, которых возглавлял Ходжа Касым, летом на судах объезжали становища инородцев на Оби ниже устья Иртыша и покупали пушнину» [Там же, с. 31]; «Посреди двора стояла корова; сидя на лавочке, ее доила *русская баба*» [Там же, с. 184]. Многочисленные предметы и явления выступают в произведении А. Иванова этническими маркерами, не только выполняя функцию реально-исторической достоверности, но и создавая национально-культурные образы. Так, отэтнонимные прилагательные маркируют в тексте романа:

– представителей разных этносов: «Вместе с другими *вогульскими женщинами* она стояла за жердяной изгородью и слушала спор» [Иванов, 2017–2018, кн. 2, с. 86]; «Из-за какой-то *девки остяцкой*, поджигательницы, холопки, на железо грудью кидаться — это сколько ума надо?» [Там же, с. 260];

– особенности их внешности: «Ваня рассчитывал увидеть в зайсанге пугающего величием степного вождя, но увидел свинорожего мужика с узкими глазами; *монгольские усы и борода* тонкой черной нитью опоясывали презрительно изогнутый жирный рот; накладные кожаные латы топорщились, как шишка» [Там же, с. 187];

– их жилища: «Дом Нахрача ничем не отличался от других *вогульских домов*» [Там же, с. 523];

– элементы национальной одежды: «Ренат снял рукавицы, сбросил с головы *джунгарский колпак* с ушами и посмотрел в серое небо»;

– характерные для национальной культуры обычаи и особенности поведения: «*Монголы* не любили оставлять указаний тех мест, где под травами спят их властелины» [Там же, с. 101]; «Я вижу мужество сердечное в том, что ты не утаил согрешений *остяков*: как они детей продают в невольники, как лечиться отказываются, как в многоженстве погрязли» [Там же, с. 367];

– объекты небесного пространства: «Иртыш призрачно и просторно светлел в темноте шевелящимся ледоходом, а в черном небе мерцали *джунгарские созвездия*, перекрещиваясь, будто следы степных колесниц, — никто не узнал их древних названий» [Там же, с. 353] (окружающая героев природа всегда в текстах писателя является олицетворением души того народа, который проживает на данной территории);

– особенности вероисповедания и религиозных обрядов: «*Джунгары* верили в Барахмана и своих покойников сжигали, бросали в степи на съедение зверям либо отправляли в Тибетские горы, в Лхасу» [Там же, с. 102]; «*Раскольщицкий мир* — вторая вселенная; он всюду, он невидим, но все опутал заповедными тропами; у него везде — свои люди и свои пристанища» [Там же, с. 227]; «Теперь я знаю, почему вы, *русские*, так упрямо тащите Христа в наши леса. Вам надо, чтобы у нас была такая же сила, как у вас» [Там же, с. 423]; «В Сибири крещение уравнивало инородцев с *русскими поселенцами*» [Иванов, 2017–2018, кн. 1, с. 81].

А. Иванов описывает истории удачных и неудачных попыток крещения остяков-инородцев: «Возле села Самаровский Ям Иртыш впадал в Обь, и тут Филофей ходил на языческие капища Белогорья, укрытые в дебрях чугаса — остяцкого божелься» [Там же, с. 192]; «Владыка требовал от воеводы снарядить гишпедицию на Обь, чтобы крестить инородцев — воевода дал дырявую посудину с драным парусом, и *березовские остяки* только посмеялись над попами-нищесбродами» [Там же, с. 78].

Представитель любого этноса решает для себя вопросы веры исходя из сложившейся ситуации: «*Эстляндский немец*, он был протестантом и старался не ходить в *русские православные храмы*» [Там же, с. 50]; «Ему жалко было своих людей, которые ничего не могли возразить этому *русскому шаману*, и жалко было лесных богов, которых русский шаман объявил злыми духами» [Там же, с. 194]. Звучат в романе и отголоски доязыческой эпохи, о которой вспоминает один из героев: «Ежели те люди, что исписали скалу, не знали одежды, выходит, не знали и бога — не только Христа или Магомета, но даже *вогульских и остяцких божков*» [Там же, с. 223].

Этнические определения имеют многие предметы быта. Не только татары в Сибири носили татарские халаты, татарские

чекмени, не только китайцы пользовались китайскими веерами, не только русские, но и иноземцы ходили в треуголках и пользовались русской посудой: «Матвей Петрович выбежал, в чем спал, — в *татарском халате*» [Там же, с. 141]; «Возле ограды, гомоня и пересмеиваясь, околачивались зеваки и покупатели: приказчики, служилые, казаки-годовальщики, бухарец в *татарском чекмене*, монастырский эконо́м в рясе, захлестанной понизу грязью, какие-то шныри разбойного вида» [Там же, с. 122]; «Довольный собою, Табберт поднялся, взял с полки хрупкий *китайский веер* с журавлями и розовыми цветами вишни и напоказ для Айкони начал томно обмахиваться, как дама, закатив глаза и открыв рот» [Там же, с. 220]; «На голове у степняка была нахлобучена *русская треуголка*, к груди степняк прижимал *русский горшок* — видимо, с кашей в дорогу» [Иванов, 2017–2018, кн. 2, с. 167]. Используемые иноземцами предметы быта не случайно маркируются автором как русские — А. Иванову важно показать неизбежное взаимовлияние и взаимопроникновение культур в условиях совместного существования, и он отражает это не только в мирных бытовых сценах, но и в сценах военных баталлий, когда представители разных этносов испытывают одни и те же чувства, страдают одинаково: «Все перепуталось с сумятице, топоте и снежной пыли: руки, локти, плечи, лошадиные гривы, сабли, пики, копыя, искаженные лица, шведские проклятья, русская брань и монгольские ругательства» [Там же, с. 302].

В романе «Тобол», как и в других исторических произведениях автора, яркое проявление находят этнические стереотипы. Основная функция стереотипизированных высказываний — репрезентация оппозиции «мы (правильные) — они (неправильные)», существующей в языковой картине мира любого народа. В этом смысле герои романа, давая оценку тем или иным национальным предметам в зависимости от их качества, выражают как раз данную смысловую оппозицию: «— Возьми нашу *бумагу, бухарскую*. — Дрянь ваша бумага, — уверенно заявил Ремезов» [Иванов, 2017–2018, кн. 1, с. 118]; «*Немецкие хоромы* хлипкие! Палками подперты!» [Там же, с. 96]; «Крестьянские *лошади*, конечно, уступали *джунгарским* в беге, но кони степняков уже утомились за полдня» [Иванов, 2017–2018, кн. 2, с. 114].

При всей пестроте этнической мозаики, изображаемой автором, он воспроизводит в «Тоболе» — как и в других своих произведениях³ — русские национально-культурные стереотипы. Оценка героями определенных черт характера представителей других этносов (немецкой педантичности, бухарской хитрости, остяцкой наивности) воспринимается через призму авторской оценки этих качеств, в которой ярче всего реализуется оппозиция «свое — чужое». Так, например, герои романа воспринимает попытку приехавших в Сибирь немцев навести порядок во всем как вторжение на чужую территорию, в чужую жизнь: «Раньше Бухгольц вызывал у него раздражение: приперся из столицы ни с того ни с сего, никому почтения не оказал, да еще принялся переустраивать все на немецкий лад» [Там же, с. 40].

Непривычные для русских героев романа этнические реалии сравниваются с привычными и понятными им: «Поганя на вкус кислятина обожгла, как *русская водка*» [Там же, с. 211]. С другой стороны, в тексте показаны и попытки освоения инородцами русского культурного пространства: «На голове у степняка была нахлобучена *русская треуголка*, к груди степняк прижимал *русский горшок* — видимо, с кашей в дорогу» [Там же, с. 167]; «А джунгары калмыкам кто? Братья? — Ренат тщательно выговаривал эти головоломные русские названия народов» [Там же, с. 158]. Они пытаются найти способы существования в тех условиях, в которых оказались, поскольку понимают: «Бесконечные русские пространства держат нас в плену надежнее, чем цепи и кандалы» [Иванов, 2017–2018, кн. 1, с. 304]. Особое отношение автора к русским связано, как представляется, не только с его принадлежностью к данному этносу, но и с пониманием им как историком огромного значения освоения Сибири для дальнейшего развития страны. «Когда в XXI веке ты целый день едешь на машине от Тюмени до Сургута, ты понимаешь, — говорит он, — какие это гигантские расстояния. Понимаешь, что люди, которые отправлялись в путь на утлых суденышках, уже точно руководствовались не одной лишь материальной выгодой, но еще и какими-то другими соображениями. Освоение

³ Ср. комментарий А. Иванова в одном из интервью прошлых лет: «Русские люди — это люди реки. А финно-угорские племена (вогулы. — Т. С.) — это люди лесов. Это разные менталитеты, и нам у них — страшно» [Иванов, Ребель, 2004].

Сибири, действительно, было пассионарным выплеском нации, и его можно ощутить по тем расстояниям, которые русскими преодолены» [Иванов, 2018].

Коренным жителям Сибири — остякам — приходится осваивать язык и культуру пришедших сюда русских, и постепенно им это удается: «Айкони не понимала, о чем сейчас без слов договорились эти сильные мужчины, да она почти и не разбирала *русскую речь*» [Иванов, 2017–2018, кн. 1, с. 57]; «У Ремезовых была работница — остячка Пеуди. Поначалу и говорить *по-русски* не умела, а затем ничего, освоилась» [Там же, с. 126]. Вместе с тем остяки на протяжении всего текста романа показаны простодушными и даже немного наивными, беспрекословно подчиняющимися воле своих богов и не ждущими подвоха от других людей. Однако на примере остячки Айкони автор показывает нам их способность к любви и самопожертвованию, несгибаемую волю в разных жизненных ситуациях. Русские, в свою очередь, осваивают те культурные традиции других этносов, которые кажутся им наиболее прогрессивными: «— У него духовный театр, — важно добавил келарь. — Зрелища разные богоугодные с поучениями. *Хохляцкая придумка*» [Там же, с. 73]. К быту же и традициям коренных народов — только присматриваются, понимая, что все эти традиции удастся использовать лишь частично: «Ерофей приглядывался к хитростям *остяцкой жизни*: как остяки плетут из лозы ловушки на песца? Как выгибают полозья лыж? Как сушат юколу, распирая потрошеную рыбу прутиками?» [Там же, с. 39]. Если же «свои» начинают бездумно подражать «чужим», это оценивается отрицательно: «Вырядился, как немецкая баба: овечьи кудри, грудь в кружевах, камзол с оттопыренным задом, на рукаве бант, короткие порты с пуговицами, чулки, — тьфу, мерзопакость» [Там же, с. 89]. Однако в какой-то момент может происходить переоценка привычных взглядов и представлений: «Но сейчас Новицкий вдруг понял, что *остяки* — не идолы. Они могут быть красивыми» [Там же, с. 202].

Представители любого «чужого» этноса выглядят непривычно, как, например, непривычно для русских выглядят пленные шведы, которых было много в Сибири: «Неподалеку от дьяков и пушек губернатора ожидали пленные *шведы* — почти все рослые, белобрысые, в потрепанных париках, посыпанных

мукой, и в непривычных русскому глазу камзолах» [Там же, с. 5]. Поэтому восприятие «других» связано с процессом стереотипизации: «*Остячек* он не мог различить между собой: все мелкие, круглолицые, смуглые, не поймешь, молодые или старые» [Там же, с. 39]; «— Думаешь, я *русскую рожу* от *шведской* не отличи?» [Там же, с. 7].

Автор отражает в тексте не только русскую картину мира, но и картину мира инородческого населения Сибири. Так, коренные этносы зачастую воспринимали русских как стихийное бедствие, с которым трудно справиться, поэтому нужно как-то научиться жить с ним: «В отличие от других остяков, Пантила не верил, что русские — колдуны. Он не боялся русских, он ездил на ярмарки и в Березов, и в Тобольск. Власть русских была не в колдовстве. Все русские, даже какой-нибудь последний нищий на ярмарочной площади, имели в себе безоговорочное убеждение, что тут, в Сибири, они самые главные. Они приходили и брали, что пожелают, и даже удивлялись, когда им не хотели давать. Они не сомневались в своем праве. И про меру они тоже не думали — забирали больше, чем надо, могли забрать вообще все, и не испытывали вины. Русские были не народом, а половодьем» [Там же, с. 43].

От названий этносов образованы многочисленные топонимы, образующие и организующие сибирское пространство романа: «Вон справа — остроугольный *Чувацкий мыс*, вернее Почеваш, — верхний по течению Иртыша конец Алафейской гряды» [Там же, с. 82]. С казаками, игравшими основную роль в освоении Сибири, также связаны некоторые топонимы, например, *Казачий взвоз* в Тобольске: «На праздничную службу он решил пойти в Никольскую церковь, что стояла возле Орловской башни Софийского двора над Казачьим взвозом» [Там же, с. 139]. Известный исследователь того времени Семен Ульянович Ремезов пытается изучить и описать по различным документам той эпохи всю историю Сибири: «В углах высились поставцы с кораблями, в которых хранили склеенные в свитки бесчисленные бумаги — “отписки” воевод, казачьи “сказки”, “распросные речи” и сыскные дела Сибири» [Там же, с. 131].

Необходимо отметить, что писатель свободно оперирует этнонимической лексикой, используя в зависимости от ситуации различные формы этнических имен. Если этноним «русские»

встречается в тексте авторских комментариев или речи персонажей, хорошо владеющих русским языком, то в речи иноземцев функционирует форма «орыс»: «Этот русский не понимает, как надо жить. Он только богу молиться может» [Иванов, 2017–2018, кн. 2, с. 88]; «Встань, орыс, — приказал он по-русски» [Там же, с. 116]. Этнонимы и сочетания с отэтнонимными прилагательными равномерно распределены по всему тексту романа, выполняя самые различные функции: номинации персонажей, создания исторического контекста повествования, стилистической характеристики предметов, репрезентацию особенностей национальной культуры, в результате чего в произведениях Алексея Иванова перед читателем разворачивается картина многонационального и поликультурного региона России — Сибири, в которой сосуществуют (когда-то мирно, когда-то конфликтно) представители различных этносов. С помощью описания особенностей внешности, традиционной одежды, верований, занятий представителей того или иного народа через текст писателя проходит идея толерантности, взаимопроникновения и взаимообогащения различных культур, которые являются как основой развития данного региона, так и одной из интереснейших в самых разных отношениях территорий России.

Таким образом, этнонимы в художественных текстах являются маркерами национальной идентичности, репрезентируя такие ее компоненты, как особенности внешнего вида представителей, общность их языка и культуры, территории, исторического прошлого, а также традиции именования. Данный вид языковых единиц помогает писателям выразить оппозицию «свой — чужой», существующую в языковой картине мира любого этноса, а также передать идею толерантного сосуществования представителей разных культур на определенной многонациональной территории.

Список литературы

Абашев В. В., Абашева М. П. Литература и география: Урал в поэтике России // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2012. Вып. 2 (19). С. 143–151.

Иванов А. В. Чердынь — княгиня гор (1455–1481) : роман. Пермь : Перм. кн. изд-во, 2003. 528 с.

Иванов А.В. Золото бунта, или Вниз по реке теснин : [роман]. СПб. : Азбука-классика, 2005. 700 с.

Иванов А.В. Message: Чусовая. СПб. : Азбука-классика, 2007. 479 с.

Иванов А. Тобол : роман-пеплум : в 2 кн. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017–2018. Кн. 1 : Много званых. 2017. 703 с.; Кн. 2 : Мало избранных. 2018. 827 с.

Иванов А. Алексей Иванов: «Никогда одна эпоха не может быть объяснением другой»: интервью с автором романа «Тобол» // Эксмо : журн. 2018. 15 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://eksmo.ru/interview/aleksey-ivanov-nikогда-одна-epocha-ne-mozhet-byt-obuyasneniem-drugoy-ID13085296/> (дата обращения: 05.11.2018).

Иванов А., Ребель Г. Алексей Иванов: «Я интуитивно понимал, что надо сделать так, а не иначе...» : [интервью] // Филолог. 2004. Вып. 4. [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/pub_4_72 (дата обращения: 05.11.2018).

Никонов Н. Ермак : рассказ // Уральский следопыт. 1973. № 4. С. 11–24.

Решетников Ф.М. Подлиповцы: этнографический очерк (из жизни бурлаков) : в 2 ч. М. : Сов. Россия, 1977. 190 с. (Российские повести и рассказы).

Турова Е. Кержаки. Пермь : ООО «Маматов», 2007. 322 с.